

A romantic couple in formal attire embracing in front of a city view. The man is wearing a dark blue suit and a white shirt, and the woman is wearing a dark green dress. They are looking at each other with affection. The background shows a cityscape through a window.

Для ТЕБЯ

СНЕЖКА

18+

Снежка Снежка

Для тебя

<https://litres.ru/74046191>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кейт не собиралась влюбляться в жениха своей сводной сестры. Не собиралась с ним никуда лететь и ничего делать. Но так уж судьба распорядилась...

Люди встречаются, люди влюбляются, спят и расстаются. А эту пару судьба запихала в самолет который падает... Да, да, она та еще затейница, у нее не забалуешь сколько бы у тебя не было харизмы, крутизны или денег.

- Так уж и не привлекаю? – цинично спросил он с уверенностью человека, который знает, что ему лгут. Нагло лгут, сгорая от желания. Очень хотелось схватить негодницу прижать к стене и проверить, а сухие ли у врушки трусики.- Понимаешь, дело в том, что на тот момент я все думала, сколько же мне придется заплатить тебе в конце! - гневно сообщила Кейт, намекая на то, что Владимир сам «легкого поведения», и, заметив, что смысл сказанного дошел до мужчины, колко продолжила, издевательски всплеснув руками:- Извини, я же не знала, что ты думаешь обо мне то же самое. И не знала, что ты почти женат, почти бабник и почти ш###а!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Снежка Для тебя

Глава 1

Свет вычертил на скатерти безупречный круг, оставив лица в полутени, словно на старой фотографии, где время застыло в кадре. В этом ресторане ценили тишину выше изысканных блюд: она здесь была частью ритуала, осязаемой и весомой.

Владимир сидел напротив спокойный, почти неподвижный, но отчего-то занимавший собой всё пространство вокруг. Казалось, воздух сгустился возле него, становился плотнее. Девушка, напротив, спина неестественно прямая, шёлк пепельного платья лежал идеально, ни одной лишней складки. Картинка словно с обложки глянцевого журнала: безупречная, выверенная до миллиметра. Но пальцы, слишком жёстко сжимали ножку бокала, выдавая напряжение... единственное, что удерживало её от дрожи.

Он поднял взгляд и произнёс без эмоций, будто зачитывал пункт договора, высеченный в камне:

— Я всегда буду один.

— Один? — его спутница чуть склонила голову. Металл

вилки звякнул о край тарелки — звук получился громче, чем она рассчитывала. — Вряд ли.

Он не ответил. Задержал на ней взгляд. Пространство между ними начало сжиматься, вытесняя кислород. Владимир подался вперед, опираясь локтями о стол. От него пахло холодом улицей, дорогим сукном пиджака и чем-то терпким, сугубо мужским, подавляющей энергетикой, от которой по спине пробежал ледяной озноб, а дыхание сбивалось в неровный ритм.

— Две полоски? — Его голос опустился на полтона. — Или у тебя сценарий поинтереснее?

Тень румянца сошла с ее скул. Лейла сглотнула, пульс на шее стал заметнее.

— Ты знаешь, что это не шутка.

— Знаю. Как и то, что этот ребенок не мой.

Щелкнул золотой замок сумки Birkin. Лейла выложила на стол белый пластиковый прямоугольник. Рядом с серебряными приборами и хрусталем он выглядел странно, чужеродно. Два окна. Два четких плюса.

— У нас будет ребенок, — повторила она.

Владимир даже не скосил глаза на тест. Он смотрел на ее губы.

— Надо было принести шарики, — произнес он.

Короткий, властный жест рукой в сторону зала. Официант, замерший в трех метрах от них, тут же шагнул к столику.

— Ты не рад. — В ее шепоте прорвалась настоящая пани-

ка. Она крепче сжала ткань платья на коленях. Лейла понимала, что ходит по краю. — Я думала... мы могли бы быть вместе. Стать семьей.

Слово «семья» резануло слух. Фальшь. За фразой стоял животный страх остаться ни с чем. И Владимир чувствовал этот страх кожей.

Подошел официант. Ведро со льдом глухо стукнуло о столешницу. Хлопок пробки. Шипение пены. Запах дрожжей и винограда смешался с тяжелым цветочным парфюмом Лейлы. Праздник.

— Почему же, — Владимир проводил взглядом пузырьки в своем бокале.

Лейла выдохнула. Прикрыла глаза, откинувшись на спинку кресла. Мышцы ее шеи расслабились. Она решила, что победила.

И пока она так думала, Владимир смотрел на ее открытую шею, и внутри ворочалось темное, холодное чувство. Утром он был владельцем сети горно-обогачительных комбинатов. Империи, которую он отстраивал десятилетие. К полудню рейдерский захват оставил его ни с чем. А сейчас дочь человека, который перерезал ему кислород, сидит здесь и разыгрывает спектакль с беременностью.

Роджер Родлер. Владелец заводов, авиационных технологий и состояния, о котором слагали легенды. Беспринципный ублюдок, стирающий конкурентов в пыль.

И Лейла — его кровь.

Он неспешно обхватил чашу бокала. Стекло запотело от тепла ладони. Стать зятем Родлера? Войти в семью врага, чтобы изнутри разобрать ее на запчасти?

— Мне кажется, — произнес он, и Лейла тут же открыла глаза, поймав его взгляд, — нам стоит назначить дату. Как думаешь... дорогая? И, конечно, обрадовать твоего отца.

Ее губы растянулись в широкой улыбке.

— Это будет свадьба года. Платье на заказ. Сотни гостей...

— За семью.

Владимир поднял бокал. Хрусталь столкнулся с тонким, жалобным звоном. Он выпил, не сводя с нее немигающего взгляда. Затем поднялся. Высокий, заслоняющий собой свет. Лейле пришлось задрать подбородок, чтобы посмотреть на него.

— Мне нужно сделать звонок.

Он развернулся и пошел к выходу. Спина прямая, шаг ровный. Западня захлопнулась, но кто в нем оказался — это им еще предстояло выяснить.

Вечерний воздух Омска навалился на плечи тяжелой, нагретой за день массой. Владимир стоял на улице, делая глубокие вдохи, но вместо уличной пыли легкие заполнял эфирный запах дешевого порошка и старой штукатурки.

Два плюса на белом пластике сработали как спусковой крючок. Запертая глубоко внутри дверь сорвалась с петель.

Память безжалостно швырнула его на годы назад. Бездушное лицо матери. Отчаяние в глазах брата. Искореженная ре-

альность их последнего дня. А затем... смазливое, насквозь фальшивое лицо его первой жены.

Он вспомнил ту тесную комнату в студенческом общежитии. День, когда он вернулся раньше времени и застал ее с соседом. Она была так увлечена процессом, что даже не заметила скрипа приоткрытой двери. Владимир тогда ушел молча. Спустя час вернулся, просто чтобы забрать вещи.

— Ты уже дома? — Она встретила его идеальной, чистой улыбкой.

Он смотрел на нее, чувствуя, как внутри расплывается безжизненный холод. А она, не замечая его горького, немигающего взгляда, шагнула ближе. И выложила на стол тест на беременность.

— У меня для тебя новость. Отметим?

Ее голос звучал игриво. А Владимира в этот момент ломало пополам. Физически. Он знал, где она была час назад, знал, чьи руки ее трогали. И самым омерзительным было то, что он всё ещё хотел. Её. Биологическая, первобытная тяга к женщине, которая только что вытерла о него ноги, вызывала жгучую ненависть к себе.

В те годы они были настолько бедны, что слово «отпраздновать» не подразумевало ресторан или вино. Оно намечало только одно.

Владимир молча шагнул к ней. Жестким движением отодвинул в сторону шаткий учебный стол. Схватил жену за бедра и усадил на столешницу. Она была готова. Влажная,

без белья. А он чувствовал себя сжатой до предела пружиной, в которой не осталось ничего, кроме застывшей ярости.

— Я так по тебе скучала, — шептала она. Ее искусственный шепот смешался с резким металлическим звуком растегающейся молнии на его джинсах.

Он вошел в нее. Без прелюдий, без нежности. Это не было актом любви, скорее казнь. Ее тело отзывалось на его жесткость, она оставалась ненасытной, отвечая на каждый толчок. Стол жалобно скрипел. Риск того, что в любой момент в комнату могут зайти другие студенты, висел в воздухе густым напряжением. Но Владимиру было плевать. Он двигался с нарастающей, разрушительной силой, балансируя на грани, где удовольствие превращается в боль.

— Быстрее... — выдыхала она, впиваясь пальцами в его плечи. — Мне нужно...

— Кончишь со своим уродом, — процедил он сквозь зубы. И намеренно замедлил темп, доводя ее до иступления.

— Тварь!

— Да! — Она выгнулась, прижимаясь к нему так тесно, словно хотела врасти под кожу. Обхватила его ногами и сорвалась на крик.

Владимир закрыл глаза. Физическая разрядка накрыла его трудной волной, но внутри не осталось ничего, кроме звенящей пустоты. Когда он отстранился, ему показалось, что на дешевом студенческом столе он оставил последнюю светлую часть души.

Они часто дышали в душной комнате. Шаги в коридоре за дверью отдавались в висках.

Именно тогда, стоя в тесной общаге, он понял: мир рухнул. Точка невозврата пройдена. Слова брачных клятв, которые когда-то казались фундаментом, казались просто сотрясением воздуха. Горькой насмешкой. В тот день брак стал для него пустым звуком. Пеплом.

И вот теперь, годы спустя, стоя на вечерней улице, Владимир иронично усмехнулся. Судьба явно обладает извращенным чувством юмора. Снова тест. Снова предательство. Снова женщина, пытающаяся связать его по рукам и ногам ложью. Только теперь ставки измеряются миллионами и разрушенной империей.

Злость чистая, холодная, контролируемая затопила его сознание. Он больше никогда не позволит сделать из себя пешку. Правила игры ему неизвестны, но он напишет свои. Больше никаких слабостей.

Он поправил лацкан пиджака, стирая с лица любые эмоции. Уйти он не мог. Кроме Лейлы, сегодня в этом же ресторане его ждала еще одна встреча. И к ней нужно было подойти с абсолютно холодной головой и пустым сердцем.

Глава 2

Полумрак ресторана казался густым, осязаемым. Владимир смотрел на другую женщину по ту сторону стола, чувствуя, как внутри натягивается тугая, дрожащая струна.

Снежана Хэмилтон. Строгий крой жакета, идеальная гладкость волос... безупречная броня, за которой она привыкла прятать эмоции. Но сегодня броня дала просвет. В уголках ее губ, в слишком крепком захвате изящных пальцев, державших чашку с кофе, читалась строка затаенной тревоги.

Когда их взгляды пересеклись, реальность на секунду дала сбой. Перед Владимиром снова сидела девушка из прошлого. Она готовая защищать, обещавшая найти его и братьев.

Она сдержала слово.

Это должно было принести облегчение, но вместо этого грудную клетку сдавило чугунным прессом. Снежана нашла Алексея. Его старшего брата. Слова повисли над столом, тяжелые и требующие ответа.

Владимир провел большим пальцем по влажному краю бокала с ледяной водой. Он не искал этих связей. Десятилетиями он выстраивал свою жизнь так, чтобы ни от кого не зависеть, отсекал прошлое не жалея. А теперь ему предлагали снова открыть эту дверь. Шагнуть навстречу людям, чьи

лица стерлись из памяти, оставив только боль разлуки.

В глазах Снежаны отражалась надежда. Она ждала его решения. А он чувствовал себя так, словно стоял на краю обрыва в кромешной темноте.

— Я дам ответ в воскресенье, — произнес он наконец. Голос прозвучал ровно, сухо, не выдав ни градуса того пекла, что бушевало внутри.

Покидая ресторан почти перед самым закрытием, он шагал так, будто рассекал пространство. Воздух ночного города не охлаждал.

«К черту», — билось на задворках сознания в такт твердому стуку каблучков по асфальту.

Зачем она ворошит эти могилы? Рассказы Снежаны о старшем брате, о родителе, которого больше нет, вскрыли старые швы. Тошнота подкатила к горлу. В его системе координат правила всегда были предельно простыми: живи, выгрызай свое или сдохни.

Он выгрызал.

Начиная с нищей койки в общежитии, собирая себя по кускам после измен, вкалывая до кровавого пота на чужих заводах.

Судьба. Какое красивое, лицемерное слово. Когда-то он поверил в нее, спас жизнь своему приемному отцу, Алишеру Ковальду, и получил в наследство два обанкротившихся ГОКа с миллионными долгами. Он поднял их с колен. Своими руками, своим горбом.

И где теперь эта империя? Подмята агрессивными ублюд-

ками Родлерами. Ходили слухи, что за спиной будущего тества тянется шлейф из шантажа и сломанных жизней. И теперь Владимир оказался в центре этой паутины. Лишившийся бизнеса, обложенный со всех сторон.

Он зашел в пустую квартиру, стянул пиджак, отшвырнув его на спинку дивана. Хотелось одного — налить в стакан чистой водки и забыться так, чтобы отключились все нейронные связи. Чтобы не чувствовать этого звенящего вакуума внутри.

Но телефон в кармане брюк завибрировал, ломая тишину. Лейла. Вездесущая, навязчивая Лейла со своими щебечущими планами на их скорое, безупречное будущее.

Стиснув челюсти, он скинул звонок.

Через десять минут он стоял в душевой кабине, упершись широкими ладонями в мокрую кафельную плитку. Горячие струи с силой били по напряженным плечам, стекали по литым мышцам спины, теряясь в густой пене на полу. Вода обжигала кожу, но не могла вымыть из головы клейкое ощущение того, что его загнали в угол.

Эта белобрысая дрянь со своим тестом на беременность вывернула его жизнь наизнанку.

«Через неделю помолвка», — сипло произнес он в пустоту. Звук голоса разбился о шум воды.

Горячий пар наполнял кабину, оседая на зеркалах, а внутри Владимира концентрировалась ледяная, расчетливая ярость. Жить. Бороться. Или сдаться. Выбор всегда оставался.

ся за ним, и он точно знал, что сдаваться не собирается.

Жесткие струи кипятка продолжали бить по плечам, отскакивая от напряженных мышц и теряясь в густом паре душевой кабины. Владимир уперся ладонями, терпел.

Слова пульсировали в висках в такт шуму воды. Несколько недель назад он инициировал разрыв. Лейла отступила сдержанно, почти красиво, попросив лишь об одной, последней встрече. Идеальная ловушка. Корпоративные связи с ее отцом держали его за горло удушающей хваткой, и резко обрубить концы было невозможно.

И вот — финал пьесы. Две четкие полосы на белом пластике. Ее влажные, блестящие от неподдельных слез глаза. Она разыграла партию безупречно, надеясь, что примирительный секс и чувство долга загонят его в капкан брака.

Под струями воды губы Владимира тронула холодная, циничная усмешка. Лейла не учла лишь одну физиологическую деталь: он бесплоден.

Ее беременность — ложь или чужой ребенок. Но он принял правила игры. Пока вокруг сжималось кольцо рейдерского захвата, пока Снежана вскрывала архивы прошлого, предлагая воссоединение с семьей, Владимир позволял Лейле верить в ее триумф.

Жить. Бороться. Не сдаваться. Он выждет момент.

И спустя неделю стоянка у ресторана «Сенкевич» на набережной Иртыша напоминала выставку тщеславия. Хром и отполированный глянец дорогих автомобилей отражали

свет уличных фонарей. Клан Родлеров демонстрировал свою власть: на частную вечеринку слетелась вся элита города. Шелк, тяжелый бархат, идеальный крой смокингов — всё здесь кричало о статусе и превосходстве.

Когда Владимир перешагнул порог банкетного зала, броуновское движение гостей неумовимо изменило ритм.

Свет хрустальных люстр дорого ложился на фрески, воздух густел от тяжелых нишевых парфюмов, но с его появлением атмосфера стала плотнее. Он не делал лишних движений. Размашистые плечи затянуты в безупречную темную ткань костюма, светлые волосы аккуратно уложены, а в холодной синеве глаз абсолютный, подавляющий контроль.

Женщины замолкали на полуслове, инстинктивно выпрямляя спины и касаясь украшений на шее, когда он проходил мимо. Мужчины подбирались, стараясь занять место в радиусе его внимания, обманываясь этой внешней дипломатичной сдержанностью. Никто из них не чувствовал того морозного вакуума, который он принес с собой.

Сквозь гул голосов пробивался живой вальс. Женские взгляды скользили по нему, предлагая и обещая, но Владимир смотрел поверх их голов. Ему было душно в этом театре фальшивых улыбок. Его взгляд равнодушно скользил по залу, пока не зацепился за одну точку и пространство вдруг сузилось.

— Кейт! — позвал кто-то в толпе.

Глава 3

Неделю назад университет остались позади. В зоне прилета аэропорта Кейт встречала Энджи — верная подруга детства, пахнувшая кофе и карамелью, с яркой россыпью веснушек на лице.

— Кейт! — Энджи сжала ее в объятиях с такой силой, что хрустнула куртка. — Наконец-то!

— Я тоже скучала, Эндж, — Кейт смеялась, выпуская подругу, и поверх ее плеча мазнула взглядом по толпе встречающих. Улыбка чуть потускнела. — А где Макс? Почему он не приехал?

Энджи замерла. Радость на ее лице мгновенно сменилась виноватой неловкостью. Она перехватила ручку чемодана, избегая смотреть Кейт в глаза.

— У Макса... дерьмовые времена, Кейт.

— Что случилось?

— Лейла.

Одно имя, сработавшее как спусковой крючок. Кейт почувствовала, как мышцы шеи мгновенно каменеют.

— У них был роман, — продолжила Энджи, направляясь к выходу терминала. — Довольно долго. Макс думал, что там всё серьезно. А неделю назад она его бросила. Сказала, что выходит замуж за какого-то бизнесмена.

Тогда, по дороге из аэропорта, Кейт долго смотрела в окно такси на мелькающие улицы города, чувствуя, как внутри поднимается темная злость. Какая же она все-таки сука... эта Лейла.

Спустя неделю злость никуда не ушла. Она лишь сконцентрировалась, когда Кейт, по жесткому настоянию отца, переступила порог ресторана «Сенкевич». Вечеринка в честь помолвки сводной сестры напоминала ярмарку тщеславия.

Кейт сжала в пальцах тонкую ножку бокала с шампанским. Воздух в зале казался тяжелым, перенасыщенным запахом дорогих духов и сотен белых орхидей, расставленных на столах. Их сладковатый цветочный аромат душил, навеивая мысли скорее о дорогих похоронах, чем о празднике.

В центре зала, разумеется, находилась Лейла. Платье цвета шампанского сидело на ней как вторая кожа, россыпь камней на лифе слепила глаза под светом хрустальных люстр. Лейла отыгрывала роль триумфаторши: принимала поздравления, театрально вскидывала руки, демонстрируя кольцо, и смеялась слишком громко и слишком напоказ.

Она наслаждалась этим праздником, окруженная свитой из завистливых подруг и нужных отцу людей.

— Меня сейчас стошнит от этого лицемерия, — процедила Кейт, склонившись к стоящей рядом Энджи. — Использовать Макса, вытереть о него ноги, а теперь устраивать этот шабаш...

Энджи понимающе кивнула, встав чуть ближе, словно за-

крывая подругу от толпы.

Кейт отвернулась от центра зала, выискивая брата. Она нашла его не сразу. Дальний, японский зал ресторана был отделен от основного торжества. Здесь всегда царили полумрак, стены украшали шелковые гравюры, а шум оркестра долетал лишь глухим фоном.

Макс сидел за низким столиком в компании друзей. Перед ним стояла пиала с саке. Он лениво тасовал колоду карт, изредка отвечая на реплики соседей. Внешне он казался абсолютно безмятежным — ни одного лишнего движения, ни капли напряжения на лице. Но Кейт слишком хорошо знала ледяную неподвижность МакХьюитов. И брата... Это был не покой, горестная анестезия.

— Макс выглядит спокойным, — Энджи проследила за ее взглядом. В ее голосе звучала робкая надежда. — Это ведь хороший знак, правда? Он справляется.

Кейт стиснула зубы, чувствуя, как от обиды за брата перехватывает горло.

— Да, — солгала она, заставляя себя слабо улыбнуться. — Давай уйдем отсюда. Не могу больше дышать этим воздухом.

— Согласна. У нас впереди целое лето, — подруга ободряюще сжала ее локоть. — Я на минуту в уборную, и едем.

Энджи растворилась в толпе. Кейт осталась одна. Она сделала глубокий вдох, разворачиваясь, чтобы поставить нетронутый бокал на стол, когда музыка в зале сменила ритм.

— Кейт! — звонко окликнул кто-то в толпе.

Она остро обернулась на голос, делая шаг назад, чтобы обогнуть официанта с подносом. Траектория оказалась ошибочной. Вместо свободного пространства между столиками ее спина врезалась во что-то абсолютно твердое...

Кейт качнулась, теряя равновесие, но упасть не успела. Мужские руки сомкнулись на ее талии жестко, безошибочно фиксируя в пространстве.

Мир вокруг на секунду потерял звук.

— Осторожнее, — прозвучало прямо над ее головой. Голос ощущался низким, с легкой, почти незаметной хрипотцой, от которой по позвоночнику скользнул необычный холодок.

Она развернулась в кольцо его рук, упершись ладонями в обширную грудь, обтянутую темным шелком пиджака. Под тонкой тканью ощущалась литая плотность мышц. От незнакомца пахло терпким ветивером, чем-то смолистым и ночным воздухом — запах, который совершенно не вязался с душевной роскошью банкетного зала.

Кейт вскинула подбородок и их взгляды столкнулись.

Мужчина смотрел на нее без вежливого дружелюбия, принятого на таких вечеринках. Его глаза, пронзительно-синие, сканировали ее лицо с вниманием хищника, внезапно обнаружившего на своей территории нечто редкое. Он не спешил разжимать пальцы. Жар от его властных ладоней проникал сквозь тонкий лен ее зеленого платья, оставляя на коже почти осязаемые ожоги.

— Вы целы?

В его интонации не было тревоги, только тягучий, скрытый интерес.

— Вполне, — она попыталась отстраниться, но его хватка на талии лишь неуволимо сжалась. Расстояние между ними оставалось непозволительно, пугающе интимным.

От напора у Кейт перехватило дыхание. Она привыкла к мужскому вниманию, но этот человек не пытался флиртовать. Он подавлял. Заполнял собой всё пространство, вытесняя кислород.

— Если вы целы, почему ваши руки все еще на моем пиджаке? — мужской уголок губ дрогнул в едва заметной усмешке.

Кейт словно обожглась. Она быстро опустила ладони, но не отвела взгляд. Внутри закипала смесь раздражения и странного притяжения, которое тянуло ее к этому наглецу, как магнитом.

— А почему ваши руки все еще на моей талии? — парировала она, чуть понизив голос.

Бретелька ее платья скользнула вниз, открывая ключицу. Взгляд мужчины не опустился на обнажившуюся кожу. Смакуя каждую секунду.

— Вы еще не восстановили равновесие, — ответил он с абсолютной, непробиваемой уверенностью человека, привыкшего диктовать свои правила. — Было бы невежливо позволить вам упасть. Тем более, на вечеринке.

Кейт чуть прищурилась. Его наглость переходила все границы, но, черт возьми, это завораживало. Воздух между ними искрил от невысказанного напряжения.

— Я прекрасно стою на ногах.

— Я вижу.

Он наконец разжал пальцы, словно нехотя. Кейт сделала шаг назад, чувствуя, как прохлада кондиционера тут же ударила по тем местам на талии, где только что лежали его ладони.

— Обещаю в следующий раз быть аккуратнее и не сбивать вас с ног, — произнес он, чуть склонив голову. В его глазах плясали темные искры. — Если, конечно, вы не сделаете это специально.

Кейт не смогла сдержать короткого смешка, хотя и попыталась скрыть его за холодной полуулыбкой. Она поправила сбившуюся бретельку платья, чувствуя, как под его пристальным взглядом кожа покрывается мурашками.

— Не надейтесь. Я предпочитаю смотреть под ноги, — ответила она, бросая ему вызов.

— А зря, — его голос снова опустился, став почти интимным. — Иногда самое интересное происходит, когда перестаешь всё контролировать.

Она хотела найти достойный ответ, но где-то у входа снова раздался голос Энджи, зовущей ее по имени. Момент был разрушен.

— Мне пора, — коротко бросила Кейт.

Она развернулась и пошла прочь, чувствуя между лопаток его тяжелый, немигающий взгляд. И даже оказавшись на другом конце зала, Кейт продолжала ощущать на талии жар его пальцев.

А Владимир провожал ее глазами. Из толпы вынырнул официант с подносом шампанского, кто-то из партнеров попытался заговорить с ним о котировках, но Ковальд их не слышал. Впервые за весь этот лицемерный вечер он почувствовал себя живым.

Глава 4

У самых дверей дамской комнаты Кейт не выдержала. Обернулась.

Он всё ещё смотрел ей вслед. Мужчина не отвел взгляда, словно точно знал, что она обернется. Плотное, тяжелое напряжение заново натянулось между ними сквозь толпу гостей. Кейт поспешно толкнула дверь, чувствуя, как под кожей пульсирует толчками, необъяснимый жар.

Внутри, у мраморных раковин, её уже ждала Энджи. Подруга вцепилась пальцами в сумочку, глаза горели лихорадочным блеском.

— Ты хоть понимаешь, с кем сейчас любезничала? — выпалила она, не дав Кейт даже подойти к зеркалу. — Владимир Ковальд. Жених Лейлы.

Воздух выбило из легких. Кейт подошла к раковине, включила ледяную воду и подставила под струю дрожащие пальцы. Вода обжигала холодом, но на талии, там, где только что лежали мужские ладони, всё ещё горели призрачно отпечатки.

Так вот ради кого бросили Макса.

В памяти всплыл подавляющий, немигающий взгляд Ковальда. В нем не было ни капли безопасного, предсказуемого дружелюбия, к которому привыкли мальчики из их кру-

га. От него веяло грубой, неукротимой мощью. Рядом с этой увесистой энергетикой ее правильный, интеллигентный брат действительно казался бледной тенью. Кейт сглотнула горький комок. Как бы сильно она ни любила Макса, отрицать очевидное было глупо: Лейла променяла хорошего парня на хищника.

— Знаешь... — Кейт выключила воду, собираясь ответить, но в коридоре отчетливо цокнули каблук.

Глаза Энджи расширились. Она поспешно схватила Кейт за локоть, второй рукой зажав ей рот, и дернула в ближайшую кабинку. Зашелка щелкнула ровно за секунду до того, как открылась входная дверь.

Кейт возмущенно замычала, но Энджи, балансируя на высоких шпильках, взгромоздилась на крышку унитаза и внешне за вращала глазами, приказывая сделать то же самое. Кейт, безмолвно чертыхнувшись про себя, подобрала подол льняного платья и встала рядом. Пространство кабинки мгновенно стало крошечным. В тишине дамской комнаты зашумела вода. Кто-то подошел к их кабинке — Кейт увидела в узкую щель под дверью носки дизайнерских туфель.

Она затаила дыхание. Грудь сдавило от нехватки кислорода. Энджи вцепилась в ее плечо так, что ногти ощутимо впились в кожу. Они обе замерли, балансируя в тесноте, еще не зная, чьи голоса сейчас услышат.

— Никого, — звонкий стук каблуков разрезал звуки дамской комнаты.

Голос принадлежал Лейле. В воздухе мгновенно повис плотный шлейф её пудрового парфюма.

Грудь Кейт сдавило — она боялась даже глубоко вдохнуть. — Не переживай, ты будешь самой великолепной, — протянула одна из подруг Лейлы с приторной сладостью, в которой отчетливо читался яд. Раздался щелчок открываемой пудреницы. — Хотя этот свет отвратительный. Выделяет все тени.

— У меня нет теней, мне двадцать семь, — голос Лейлы резанул металлом. Стук брошенной на мраморную столешницу косметички прозвучал как щелчок. Она защищала свой идеальный фасад, но за ним явно скрывалась истеричная неуверенность.

— Как думаешь, Макс устроит сцену? — спросила другая девушка.

Зашумела вода.

— Нет. Сидит в японском зале, глушит sake, — Лейла коротко рассмеялась. — Смирился.

Кейт почувствовала, как ногти Энджи сквозь ткань платья болезненно впились в ее плечо.

— А сестрицу его видела? — не унималась подруга. — Бледная моль. Твой отец всегда говорил, что она вся в мать — такая же нервная и никчемная. Жалкая порода.

Слова били наотмашь. Кейт судорожно сглотнула, чувствуя, как лицо обдаёт жаром. Пальцы, вцепившиеся в перегородку кабинки, мелко задрожали.

— Зато твой будущий муж времени не теряет, — с явным злорадством вставила первая. — Видела, как Владимир обжимался с какой-то брюнеткой в зеленом прямо у входа? Если бы людей не было рядом, он бы ее там же и раздел. Смотри, Лейла, с такой короной из рогов фата не налезет.

Кейт зажмурилась. Мнимый жар от мужских рук на ее талии вспыхнул с новой силой.

Вода в раковине зашумела мощным потоком — Лейла выкрутила кран до упора, пытаясь заглушить слова, бьющие по ее гордости.

— Пусть только попробует, — процедила она сквозь зубы. — Мой отец сотрет его бизнес в порошок. Так что изменять в этом браке могу только я. А если он сорвется... всегда есть Макс. Он же как ручной пес. Стоит поманить — прибежит.

Подруги понимающе рассмеялись.

— К Максусу? С его-то данными? До сих пор смешно вспоминать то его кольцо и предложение, — фыркнула одна из них. — То ли дело мистер Совершенство.

— Ковальд другая лига, — самодовольно протянула Лейла, выключая воду. — Грубый, берет свое без разговоров. С ним не заскучаешь.

Захлопали двери, цоканье каблуков стихло в коридоре.

Кейт и Энджи одновременно выдохнули.

Кейт первой прыгнула на пол, едва удержавшись на затекших ногах. В висках стучала кровь. Она смотрела на белую кафельную плитку, переваривая ту грязь, в которую их

с братом только что окунули.

— У Макса все в порядке с... данными, — выдавила Кейт, просто чтобы нарушить звенящую тишину и защитить брата хоть в чем-то.

Энджи спрыгнула следом, поправляя подол платья. Ее карие глаза горели опасным, лихорадочным азартом.

— Да плевать на это, — отрезала она. — Какая же она дрянь. Использовала твоего брата как запасной аэродром. А Ковальд? Он же сам за ней не бегал, это она на нем висла! А теперь вдруг экстренная свадьба... Не иначе как по залету.

Энджи шагнула к Кейт, схватив ее за руки.

— На твоём месте я бы его отбила.

— Что? — Кейт опешила, отступая на шаг.

— Отбила бы жениха, — Энджи щелкнула пальцами прямо перед ее лицом. — Ты же слышала! Он на тебя смотрел так, что еще пять минут, и вы бы оказались в номерах. Хочешь отомстить этой стерве за Макса? За мать? Сделай это.

Внутри Кейт всё сжалось. Идея была безумной, отталкивающей и... пугающе соблазнительной.

— Энджи, нет. Ты же слышала, они, скорее всего, ждут ребенка.

— А может, и не ждут, — пожала плечами подруга, не отступая ни на миллиметр. — Или это вообще не его ребенок. Кто этих Родлеров знает? Да тебе и спать с ним не обязательно! Просто пофлиртуй. Сорви ей корону. Покажи Максу, чего стоит его драгоценная Лейла, когда на горизонте появля-

ется кто-то поинтереснее.

Кейт скрестила руки на груди, пытаясь защититься от этого напора. Но зерно уже было брошено в благодатную почву ее обиды.

— Почему ты так зацепилась за Макса? — подозрительно прищурилась она.

Энджи на секунду отвела взгляд, нервно накручивая на палец рыжий локон, но тут же снова хитро улыбнулась.

— Я за справедливость. И вообще, помнишь нашу клятву в пятнадцать лет? Ты обещала выполнить любое мое желание. Считай, что время пришло. Я все устрою. Никто ничего не поймет. У меня есть идеальный план.

Кейт недовольно вздохнула. В голове снова всплыл пронзительно-синий, подавляющий взгляд Владимира. Если он так же смотрит на Лейлу... чем тогда сама Кейт будет отличаться от сводной сестры?

— Зачем? — Кейт поежилась и обхватила себя за плечи, словно пытаясь защититься от холода кафельных стен. — Это глупо. Мы не в дешевой драме.

— Затем, что кто-то должен сбить с нее эту спесь, — прошипела Энджи, делая шаг к подруге. — Она методично пережевывает Макса, а мы будем просто стоять в стороне?

Кейт прищурилась. В голосе подруги звенело слишком много личной боли.

— А с каких пор ты так отчаянно бьешься за сердце моего брата?

Пальцы Энджи, нервно накручивавшие волосы, на секунду замерли. Она отвела взгляд, но тут же вскинула подбородок, натянув на лицо маску хитрой уверенности.

— Считаю это актом дружеской солидарности. Ты бы слышала, сколько грязи Лейла выливает на вашу семью в офисе. Просто диву даешься, как в ней столько желчи помещается. А кроме того... — она понизила голос, ее глаза заблестели опасным азартом. — Считаю меня своей личной матерью Терезой с планом мести.

Кейт издала нервный, короткий смешок. Спина всё ещё помнила пугающую жесткость мужских рук, а в ушах продолжал звенеть презрительный смех Лейлы. Это была опасная игра. Грязная. Но задетая гордость внутри уже расправила плечи.

— Ты ненормальная, — выдохнула Кейт, чувствуя, как рациональные доводы тают под напором чужого задора.

— Я гениальная. Если Лейла сорвется обратно к Макс — он сам ее выбросит, когда поймет, чего она стоит. Она останется ни с чем. Получит по заслугам. Ну что?

Кейт неспешно кивнула.

В груди тяжелым комком оседало сомнение. А если Ковальд действительно любит Лейлу? Если не просто холодный расчет? Тогда Кейт станет той самой расчетливой разлучницей, которых всегда презирала. Чем она будет лучше Лейлы?

Но, вспомнив пронзительный, сканирующий взгляд синих глаз у входа в ресторан, Кейт поежилась. В том взгляде не

было любви. Только насмешка и голод хищника.

— Ладно, — она кивнула. — Какой у тебя план?

Глава 5

«Это просто маленькая шалость. Способ щелкнуть Лейлу по носу».

Кейт повторяла мысленно фразу про себя как мантру, пока лифт бесшумно поднимал их на третий этаж компании «Литье Корпорейшн». Однако ледяные ладони и тугий узел в солнечном сплетении выдавали ее с головой.

— Выглядишь как на обложку Forbes, — подбодрила Энджи, окидывая подругу оценивающим взглядом. В ее карих глазах плескалось предвкушение грандиозного шоу.

Кейт действительно подготовилась. Простое льняное платье глубокого зеленого оттенка сидело безупречно. Широкий ворот открывал тонкие ключицы, короткие рукава-фонарики добавляли образу свежести, а гладкий, строгий узел волос кричал о профессионализме. Идеальная броня, которая, как казалось Кейт, могла не выдержать и первого же неосторожного движения.

Двери лифта разъехались.

Коридор встретил их запахом дорогой полироли, свежемолотого арабики и тем специфическим, густым напряжением, которое всегда висит в офисах крупных корпораций.

Навстречу им стремительно прошел высокий, подтянутый мужчина лет шестидесяти. Дорогой костюм, идеальная осан-

ка, но рукава белоснежной рубашки закатаны до локтей, а на лице — печать жесткого недосыпа.

— О, наконец-то, — бросил он Энджи на ходу, даже не замедлив шага.

— Что горит? — Энджи мгновенно переключилась в рабочий режим.

— Запрос из министерства по тендеру. Нужны допдокументы. Буду через десять минут! — он скрылся за поворотом.

Кейт выдохнула, шагая за подругой в приемную генерального директора. Пространство впечатляло: много света, дорогая кремовая кожа диванов, идеальная геометрия столов и высокие вазы со свежими белыми каллами. Но весь этот уют разбивался о ледяную ауру женщины, сидевшей за главным столом.

— Доброе утро! — нарочито бодро бросила Энджи.

Карла Изольдовна не подняла головы. За окном сияло утренне солнце, но старший секретарь была застегнута в глухой черно-белый футляр, словно сама мысль о смене сезона казалась ей нарушением корпоративной этики.

— Вы опоздали, — произнесла она. Голос был сухим, как шелест бумаги. Она подняла взгляд и смерила Кейт таким сканирующим, неприятным холодом, что слова застряли в горле.

Кейт инстинктивно бросила взгляд на часы. Восемь пятьдесят пять. Они пришли раньше, но в системе коорди-

нат Карлы Изольдовны это уже считалось провалом. Волна острого, обжигающего раздражения смыла страх. Кейт выпрямила спину, подавив желание оправдываться.

Энджи лишь невозмутимо пожала плечами, бросив сумку на кресло.

Двери приемной снова открылись. Вернулся мужчина, с которым они столкнулись в коридоре. На этот раз градус его напряжения явно спал — он на ходу опускал рукава рубашки, и его лицо озаряла обаятельная, расслабленная улыбка.

— Ну вот, пожар потушен, — весело констатировал он и, наконец, перевел взгляд на Кейт. Брови мужчины удивленно поползли вверх. — Эндж, ты скрывала от меня эту очаровательную спутницу?

— Это моя подруга, — с ноткой гордости объявила Энджи. — Кейт, познакомься. Алекс Блейк, заместитель генерального директора.

— Боже мой, да вы просто ангел, спустившийся в наш корпоративный ад! — Алекс склонил голову в галантном, почти театральном полупоклоне.

В его взгляде читалось искреннее, безопасное восхищение, то самое, к которому Кейт привыкла. Напряжение, сковавшее ее под взглядом Карлы, мгновенно отпустило. Губы Кейт дрогнули в естественной улыбке. Она чуть склонила голову набок, чувствуя, как возвращается уверенность.

— Тогда, может быть, вы окажете ангелу услугу? — мягко спросила Кейт.

— Все, что угодно.

— Не поставите автограф на моем заявлении о приеме на работу? Семь дней. Заменяю Анжелику Игоревну.

Алекс усмехнулся, выпрямился и перевел насмешливый взгляд на Энджи.

— Нашла замену? — переспросил Алекс, переводя взгляд с Энджи на Кейт.

— Лучшую из возможных, — Энджи улыбнулась с абсолютно невинным видом.

Алекс окинул Кейт быстрым, оценивающим взглядом. Это была оценка не только мужская, но и профессиональная: он сканировал её осанку, то, как она держит зрительный контакт, не тушуясь под его вниманием.

— Если я заверну такую кандидатуру, половина отдела аналитиков устроит бунт, — усмехнулся он. Улыбка тронула уголки его глаз. — С этой секунды вы официально приняты. Заполните бумаги в отделе кадров, потом занесете мне на подпись. Добро пожаловать на борт.

Он протянул руку. Рукопожатие оказалось сухим и крепким, без скидок на пол и возраст.

Как только за Алексом закрылась дверь, неформальная атмосфера мгновенно испарилась. Энджи шагнула к столу Карлы Изольдовны. Старший секретарь не шелохнулась, продолжая методично, с идеальным нажимом вписывать что-то в журнал.

— Карла Изольдовна, это Кейт. Она заменит меня на неде-

лю. Надеюсь, вы сработаетесь.

Женщина положила ручку. Подняла глаза. Взгляд у неё был такой плотности, что им можно было резать стекло.

— Надеюсь, она справится, — произнесла Карла Изольдовна тоном, в котором не было ни грамма надежды. — В этой приемной мы не можем позволить себе ошибок.

Кейт почувствовала, как под ребрами скручивается холодный узел, но заставила себя выдержать чужой рентгеновский взгляд.

— Ошибок не будет. Я сделаю всё необходимое, — ответила она ровно.

— Здесь не университет, — Карла Изольдовна сложила руки в замок, опираясь локтями о безупречно чистый стол. — Здесь «постараюсь» и «всё возможное» не работают. Имеет значение только результат. Иначе последствия будут на вашей совести. А в этой компании они бывают жесткими.

В глазах Энджи на секунду мелькнула паника. Она словно только сейчас осознала, в какую рубку бросает подругу.

— Ты точно справишься? — спросила она, наклонившись к Кейт перед уходом.

— Не сомневайся, — коротко кивнула Кейт.

Пути назад уже не было.

Она заняла свободное рабочее место. Стол был стерильным: монитор, идеальная стопка папок, органайзер. Кейт только успела положить ладони на прохладную столешницу, как в приемную снова заглянул Алекс.

— Оставляй бумаги, — бросил он, кивнув в сторону коридора. — Пока от тебя здесь мало толка. Идем, введу в курс дела.

Кейт поднялась. Спиной она отчетливо чувствовала тяжелый, контролирующий взгляд Карлы, провожающий ее до самых дверей.

Они прошли по широкому коридору и свернули в просторный холл. Вдоль панорамных окон выстроились ряды рабочих столов, заваленных графиками и диаграммами. В воздухе стоял монотонный гул: стук клавиатур, тихие разговоры по гарнитурам, шуршание бумаг. Около десятка мужчин в строгих рубашках и галстуках были полностью погружены в работу.

— Господа аналитики, минуточку внимания, — громко объявил Алекс.

Стук клавиш мгновенно стих.

— Знакомьтесь. Кейт Миддлтон. Наш новый секретарь на ближайшую неделю.

Услышав собственное выдуманное имя, Кейт мысленно выдохнула. В анкете она использовала девичью фамилию тети. Это был ее щит. Единственный способ находиться в здании «Литье Корпорейшн» так, чтобы Родлеры не узнали в ней дочь своего кровного врага МакХьюита. Щит давал ей иллюзию безопасности.

Как только Алекс произнес ее имя, энергетика в комнате неуловимо изменилась. Мужчины, до этого сгорбленные

над мониторами, начали выпрямляться. Кто-то машинально поправил узел галстука, кто-то отложил ручку. Взгляды, направленные на Кейт, из рассеянно-рабочих мгновенно стали цепкими, оценивающими и откровенно заинтересованными.

Она попала в классический мужской клуб, и ее появление подействовало здесь как открытое окно в душевной комнате.

Алекс, прекрасно видя реакцию своих подчиненных, с усмешкой начал представлять их по очереди:

— Валера Щитов... Олег Щепкин... Саша Иванов... Даниэль Зверев...

Глава 6

После четвертого имени Кейт перестала пытаться их запомнить. Зато мозг автоматически зафиксировал другую деталь: отсутствие обручальных колец у большинства. Их откровенно оценивающие, но не переходящие грань взгляды работали лучше любого утреннего кофе, подогревая внутренний кураж.

— Сгружайте всю текучку на Кейт, — скомандовал Алекс. — Если выживет, можете поручить оформление. Если вопросов нет — я ушел.

И она выжила. С первой же минуты Кейт с головой нырнула в работу, превращая хаос бумаг в строгую систему. Конвейер из графиков и таблиц ее не пугал. Аналитики оказались не только профи, но и отличными собеседниками с острым чувством юмора, и Кейт быстро поймала ритм этого мужского клуба. Двери кабинетов в коридоре то открывались, то закрывались, и лишь одна массивная, из темного дерева оставалась наглухо запертой.

К двум часам дня последний отчет был сшит. Троица аналитиков не заставила себя ждать: Щитов — смазливый блондин ее возраста, Щепкин — коренастый брюнет, и Зверев, выглядевший как типичный выпускник Лиги Плюща.

— Ну что, спасительница, готово? — Щитов облокотил-

ся на высокую стойку ресепшена, включая обаяние на максимум.

Кейт с легкой усмешкой сдвинула по полированной столешнице увесистую папку.

— Без тебя бы мы сегодня легли на дно, — вкрадчиво добавил он. — Чем отдел аналитики может отблагодарить своего личного ангела?

Кейт откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди. Ей откровенно нравился этот легкий офисный пинг-понг.

— Даже не знаю. А что вы умеете, кроме как сводить дебет с кредитом?

— Могу сварить отличный кофе, — тут же отозвался Щепкин.

— А я делаю потрясающий массаж шейно-воротниковой зоны, — добавил Зверев, чуть понизив голос.

Кейт искренне, звонко рассмеялась, чувствуя, как напряжение утренних часов окончательно отступает.

— А петь умеете?

Парни синхронно запнулись.

— Отлично. Будем считать, что за вами серенада под моими окнами, — с улыбкой подытожила Кейт, махнув рукой и отправляя их работать.

Проводив парней взглядом, она покосилась в сторону Карлы Изольдовны — проверить, не случился ли у старшего секретаря инфаркт от такого возмутительного нарушения

дисциплины. Но Карла не смотрела на нее. Секретарша сидела неестественно прямо, уставившись в одну точку.

Тяжелая дверь кабинета генерального директора была распахнута настежь.

Воздух в приемной мгновенно стал густым, вытесняя кислород.

Владимир Ковальд молча стоял в дверном проеме.

Затянутый в темно-синий костюм идеального кроя, он заполнял собой всё пространство. От него исходила давящая, холодная аура абсолютной власти, которая заставляет людей инстинктивно вжимать головы в плечи.

Кейт перестала дышать.

Это был он. Тот самый мужчина с вечеринки. Тот, чьи горячие, жесткие ладони до сих пор мнимо жгли ее талию. Жених ее сестры.

«Приплыли», — гулко ударило в висках.

Вся ее выстроенная уверенность, весь легкий флирт и кураж мгновенно испарились. Его пронзительно-синий взгляд был направлен прямо на нее. И он не предвещал ничего хорошего. Ковальд смотрел на нее не как на очаровательную новенькую. Он смотрел на нее как на раздражающую проблему, которую собирался решить прямо сейчас.

Он коротким кивком велел ей зайти.

Спиной Кейт ощутила торжествующий взгляд Карлы Изольдовны, но даже не повела плечом. Она переступила порог кабинета.

Тяжелая дверь из массива дуба кротко щелкнула за спиной, мгновенно отсекая монотонный гул офиса. Тишина облепила со всех сторон, сочная и холодная.

Владимир стоял у панорамного окна, заложив руки в карманы брюк. Широкая, безупречно прямая спина. Он не обернулся на звук закрывшейся двери.

— Что ты здесь делаешь? — прозвучало ровно, без единой эмоциональной окраски.

— Работаю.

Она заставила себя сделать шаг от двери вглубь кабинета. Взгляд помимо воли скользнул по его плечам, вспоминая, как жестко эти руки фиксировали ее талию всего несколько дней назад.

— Кто тебя нанял?

— Алекс Блейк.

Владимир обернулся. В его глазах не было ни вспышек гнева, ни «раскатов грома». Только абсолютный, сканирующий холод, от которого у Кейт волосы на руках встали дыбом.

— На какую должность?

— Я заменяю Анжелику Игоревну. Ближайшие семь дней.

— Я не видел твоего досье.

— Его пока нет. Меня оформили полчаса назад.

Он смотрел на нее, и Кейт с пугающей ясностью осознала: это не тот мужчина с вечеринки. Тот был хищником на охоте. Этот безжалостным владельцем империи. В его взгляде не

осталось ни капли темного, тягучего интереса, который едва не сжег ее в зале ресторана. Для него она сейчас была просто грязным пятном на идеальной репутации его офиса.

— Ты нам не подходишь, — сухо отрезал он.

Короткая фраза ударила под дых. В первую секунду Кейт даже не нашлась, что ответить. Щеки вспыхнули не от смущения, а от резко подскочившего адреналина.

Скотина. На вечеринке, прижимая ее к себе, он явно считал иначе. Она была уверена, что оставила след, зацепила его. А теперь он смотрел на нее, как на пустой звук. Горечь уязвленного женского самолюбия мгновенно переплавилась в опасную злость.

— Почему? — Кейт вскинула подбородок. Голос прозвучал твердо, хотя внутри все вибрировало от напряжения.

Владимир неспешно обошел массивный рабочий стол и опустился в кресло. Откинулся на спинку, закинув ногу на ногу. Его расслабленная поза была обманчивой — так хищник ложится на траву, продолжая контролировать каждый миллиметр территории.

— Ничего личного, Кейт. Тебе здесь просто не место.

Где-то на периферии сознания, на долю секунды, он вспомнил запах ее кожи и тот электрический разряд, который прошел его в ресторане. Тело мгновенно отреагировало в паху потяжелело от желания. Но Владимир тут же захлопнул эту дверь. Бизнес стерильная зона.

— Я хочу услышать профессиональные причины, — про-

цедила Кейт. Пальцы сами собой сжались в кулаки. — Почему мне здесь не место?

Владимир сцепил пальцы в замок, положив их на живот.

— Во-первых, — его голос стал на полтона тише, но от этого зазвучал еще жестче, — я не терплю в своем офисе женщин, которые путают работу с поиском спонсора.

Кейт шумно втянула воздух. Зрачки расширились.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжил он, игнорируя то, как румянец ярости заливает ее скулы, — ты проработала здесь полдня, а уже превратила отдел аналитики в дешевый балаган. И в-третьих... я никогда не смешиваю бизнес и развлечения. И не работаю с женщинами, которые смотрят на меня так, как ты.

Повисла звенящая тишина. Только ритмичный, едва слышный стук его указательного пальца по кожаному подлокотнику отмерял секунды. Он выстроил между ними непробиваемую бетонную стену.

Слова обрушились на Кейт ушатом ледяной грязи. Он открыто назвал ее дешевкой. Эскортницей, пришедшей строить глазки начальству. Дыхание перехватило от возмущения, но слёз не было. Только жгучее, ядовитое желание стереть эту снисходительную уверенность с его красивого лица.

Глава 7

Он открыто, в лицо назвал её дешевкой. Игрушкой на одну ночь.

Кейт стиснула зубы так, что свело челюсти. Унижение горечью осело на корне языка. Значит, вот почему он с такой пугающей легкостью перешел границы в ресторане. Он просто приценивался.

— И сколько? — голос Кейт прозвучал неестественно тихо, но в повисшей тишине было больше сарказма, чем в крике.

Владимир чуть сдвинул брови, сбитый с толку внезапным вопросом.

— Что «сколько»?

— Сколько ты планировал мне заплатить?

Она не могла остановиться. Тормоза сорвало. Если он хочет играть в цинизм — она примет правила.

Лицо Владимира осталось непроницаемой маской. Его синие глаза на секунду сузились. Он с показательной, расчетливой леностью скользнул взглядом по ее лицу, шее, льняному платью, так перекупщики осматривают товар перед сделкой.

— Недорого, — бросил он равнодушно, добывая остатки иллюзий. — Ты же не профессионалка, Кейт. Так что... ты уволена.

Он отвернулся к монитору, всем своим видом показывая, что аудиенция окончена. Для него она уже перестала существовать.

В груди Кейт полыхнуло так, что перехватило дыхание. Любая другая на ее месте выскочила бы из кабинета в слезах. Но она не сдвинулась с места. Сделав короткий, острый вдох, Кейт расправила плечи. Загнала клокочущую ярость глубоко под ребра и разжала кулаки.

— Скажите об этом Алексу Блейку, — отчеканила она, глядя в его идеальный профиль.

Пальцы Владимира замерли над клавиатурой. Он повернул голову.

— Он меня нанял, — бросила Кейт, выдерживая его давящий взгляд. — Ему меня и увольнять.

Не дав возможности ответить, она круто развернулась на каблуках и вышла из кабинета. Шаг был идеально твердым, спина безупречно прямой.

Массивная дверь захлопнулась за ней, и только тогда Кейт позволила себе выдохнуть. Воздух со свистом вырвался сквозь сжатые губы. Дойдя до своего стола, она без сил опустилась в кресло. Руки дрожали мелкой, противной дрожью, но она тут же спрятала их под столешницу. Никаких слез, Карла Изольдовна сидела всего в паре метров, и Кейт чувствовала на себе ее боковой, сканирующий взгляд.

Внутри всё горело от оскорбления.

«Спонсор. Не профессионалка».

Кейт невидящим взглядом уставилась в монитор. Что ж, теперь всё встало на свои места. Владимир Ковальд и Лейла Родлер — два сапога пара. Идеальный союз двух беспринципных, конченных эгоистов, для которых люди лишь инструменты или развлечение на один вечер.

Дверь кабинета генерального директора распахнулась.

Кейт инстинктивно вздрогнула, ожидая, что он сейчас вышвырнет ее лично. Но Владимир прошел мимо ее стола стремительным, размашистым шагом, даже не повернув головы. Как будто там было пустое место.

— Буду вечером, — бросил он Карле Изольдовне и вышел из приемной.

Кейт ощутила, как сжатые до спазма мышцы спины наконец расслабляются.

— Если вам нечем заняться, я могу делегировать часть своей работы, — голос старшего секретаря прозвучал с надменной насмешкой. Карла Изольдовна явно наслаждалась тем, что новенькая получила по зубам.

Кейт подняла голову. Ее лицо было абсолютно спокойным матовым фасадом. Вся ярость, обида и боль были надежно заперты внутри. Она посмотрела Карле прямо в глаза.

— Да, конечно, — ровно ответила Кейт, придвигая к себе клавиатуру. — Чем могу помочь?

Работа была лучшей анестезией. Прямо сейчас ей нужно было просто выжить в этом недружелюбном мсете, чтобы не подвести Энджи. А с Ковальдом они еще не закончили.

Весь день слился для Кейт в бесконечную ленту графиков, цифр и монотонного стука по клавиатуре. К вечеру глаза жгло от напряжения, а плечи ныли. Когда офис начал пустеть, а Карла Изольдовна, сухо попрощавшись, отбыла на ужин, тяжелые дубовые двери приемной распахнулись.

Владимир вернулся.

Он прошел мимо ее стола все такой же собранный, нечитаемый, оставляя за собой шлейф морозного воздуха и ветивера.

— Сделай кофе, — бросил он на ходу, скрываясь в своем кабинете.

Никаких «пожалуйста». Просто приказ. В низком тембре его голоса Кейт безошибочно уловила странную, натянутую вибрацию.

Через пять минут она толкнула дверь его кабинета ногой, балансируя небольшим подносом. Запах свежесваренного эспрессо смешался с прохладным, кондиционированным воздухом. Кейт подошла к массивному столу и с негромким стуком опустила фарфоровую чашку на деревянную поверхность.

Владимир не читал документы. Он сидел в кресле, откинувшись на спинку, и смотрел прямо на нее.

Тишина в кабинете мгновенно уплотнилась, сдавливая барабанные перепонки. В его взгляде больше не было того утреннего, надменного безразличия. Синие глаза потемнели. В них разгорался тяжелый, подавляющий огонь, который

едва не испепелил ее на вечеринке.

— Если поручений больше нет, я могу идти? — Кейт заставила свой голос звучать ровно, хотя под ребрами всё стянуло в тугую, болезненный узел.

— Одно есть.

Два слова.

Сказанные низко, почти на грани шепота.

Кейт замерла.

Пространство между ними искрило, как оголенный провод. Его уверенность, его доминирующая поза в полутенях кабинета вызывали в ней животный, иррациональный трепет.

— Какое? — она сглотнула, чувствуя, как пульс начинает биться где-то в горле.

— Подойди сюда, Кейт.

Это не было просьбой. Магнитная тяга была настолько сильной, что Кейт сделала полшага вперед, прежде чем разум успел включить тормоза. Стоп. Шахматы на минном поле. Один неверный шаг и она проиграет эту партию, превратившись в то, чем он ее назвал утром. В дешевую развлекуху.

Она остановилась, вскинула подбородок.

— Нет.

Мужчина подался вперед, опираясь предплечьями о стол. Градус напряжения в комнате взлетел до критической отметки.

— Ты уверена, что это именно то, что ты хочешь сказать?

— вкрадчиво произнес он.

Кейт встретила его взгляд. Внутри нее бушевал адреналин, смешанный с острой, ядовитой обидой.

— Абсолютно, — отчеканила она, глядя ему прямо в глаза. — То, что произошло на вечеринке ошибка. Розовая акция. Я здесь работаю секретарем. И если рабочих задач нет, мой день окончен. Ты меня не привлекаешь.

Она бросила эти слова как гранату.

Левый уголок его губ дрогнул в циничной, темной усмешке. Он не поверил ни единому слову. Владимиру даже не нужно было к ней прикасаться, чтобы знать правду. Ему было достаточно видеть, как порывисто вздымается ее грудь под льняным платьем, как расширились зрачки, делая глаза почти черными, и как бешено бьется жилка на ее шее. Она лгала. Лгала в лицо, плаваясь от желания под своей строгой офисной броней. Ему безумно хотелось обогнуть стол, впечатать эту наглую девчонку в стену и доказать ей, как сильно она ошибается.

Но он остался сидеть, только усмешка стала шире.

Кейт не стала дожидаться ответа. Развернувшись, она направилась к выходу. Спину жгло от его взгляда, кровь шумела в ушах. Она держала шаг. Упрямо держала. Кейт вышла из кабинета, аккуратно, без хлопка притворив за собой дверь. Шах и мат. На этот раз она ушла непобежденной.

В приемной звякнули ключи. Карла Изольдовна как раз вернулась с ужина, ставя на стол бутылочку с водой. Заме-

тив выходящую из кабинета босса Кейт, старший секретарь замерла. Ее глаза рентгеном пробежались по раскрасневшемуся лицу новенькой и плотно закрытой дубовой двери. В приемной повисла звенящая тишина.

Кейт подошла к своему столу, плавно и четко собрала сумку. Руки действовали на автопилоте.

— Я домой, — бросила она, закидывая ремешок на плечо. — Завтра буду в девять. Ведь рабочий день начинается именно в это время, Карла Изольдовна?

Женщина моргнула, явно выбитая из колеи такой беспардонной дерзостью, но жадный интерес в ее глазах только разгорелся. Было очевидно: она умирает от желания узнать, что там произошло.

Кейт позволила себе легкую, холодную полуулыбку.

— И если решите сейчас зайти к Ковальду... советую прихватить огнетушитель, — бросила она. — Мало ли. Вдруг пригодится.

Не дожидаясь ответа, Кейт вышла в коридор, оставляя Карлу Изольдовну в состоянии легкого шока.

Глава 8

Кейт сбросила туфли прямо в коридоре дома, чувствуя, как ступни горят огнем. Дверь спальни закрылась за ней, и она рухнула на покрывало прямо в одежде. Пальцы мелко подрагивали от непрерывного стука по клавиатуре, но хуже всего было то, что пульсировало в голове.

Образ Владимира Ковальда.

Весь план с «поучительной шалостью» и мстью теперь казался ей феноменальной глупостью. Ковальд не тот человек, с которым можно играть в кошки-мышки. Он хищник. И сегодня он ясно дал понять, что растопчет ее и не заметит.

Экран телефона на тумбочке мигнул сообщением от Энджи. Кейт перевернулась на спину и закрыла глаза, не собираясь отвечать. Она не могла сказать подруге правду. Ни про то, как плавилась под взглядом этого мерзавца, ни про настоящие, глубокие причины, по которым ее отец ненавидел семейство Родлеров. И уж тем более про свою собственную тайну, которая лежала под ребрами мертвым, бетонным грузом.

Вспомнился Макс. Сейчас брат был где-то в Подмосковье, тушил горящие торфяники. Там, среди дыма, копоти и ревущих самолетов, все было честнее и понятнее, чем в этом стерильном, пропитанном ложью и интригами мире больших

денег.

— Кейт. Зайди ко мне.

Голос отца раздался из коридора. Тихий, из тех, что не терпят возражений.

Отогнав мысли о горячей ванне, она нехотя поднялась и пошла по коридору. Кабинет отца всегда был для нее символом абсолютной безопасности. Просторная комната пахла кожей, старой бумагой и дорогим переплетом. Вдоль стен выстроились массивные книжные шкафы, а свет настольной лампы мягко отражался на темном паркете.

Джон МакХьюит, владелец металлургической империи, стоял у окна, заложив руки за спину. Подтянутый, с идеальной выправкой и резким профилем, он обычно излучал непробиваемую уверенность. Но сейчас плечи под тканью рубашки были напряжены, словно он готовился принять удар.

— Ты звал? — спросила она, прикрывая за собой дверь.

В последнее время отец жил бизнесом, они общались в основном урывками или по телефону, но между ними всегда существовала невидимая, плотная связь. Ей не нужно было видеть его лица, чтобы понять: что-то стряслось. Каждый его тяжелый вздох она считывала, как радар.

Он неторопливо обернулся.

— Неприятности.

Одно короткое слово. Но оно было сказано с такой интонацией, что у Кейт мгновенно исчезли остатки усталости, а

по спине скользнул холодок.

Она прошла вглубь кабинета и опустилась в глубокое кожаное кресло напротив его массивного стола. В глазах отца, всегда таких живых и цепких, сейчас стояла глухая, тяжелая тень.

— Какие? — спросила Кейт, глядя ему прямо в лицо. Сон и покой отменялись.

— Пару месяцев назад нас начали методично сжирать, — голос отца звучал сухо, почти бесцветно, и от этого становилось по-настоящему страшно. — И я почти уверен, что за этим стоит Родлер.

Он отошел от окна и тяжело опустился в кресло. В свете настольной лампы глубокие тени залегли у него под глазами, подчеркивая резкие, хищные черты лица, которые Кейт унаследовала вместе с бирюзовым цветом глаз и упрямой линией подбородка.

— Скоро тендер на госзаказы. Крупнейший контракт за последние пять лет. Тот, кто его заберет, обеспечит себе бесперебойное финансирование. Реальные шансы только у нас и у компании Родлеров. Но у него финансовые дыры, и честно этот тендер он не вытянет.

Имя Родлера повисло в воздухе, как запах озона перед ударом молнии.

— У тебя же контрольный пакет акций, — Кейт подавалась вперед, вцепившись пальцами в подлокотники кожаного кресла. Кожа под ладонями казалась холодной. — Как они

могут нас захватить? Что вообще происходит?

— Нас изматывают, — Джон сцепил пальцы в замок. — За последний месяц, семь проверок из разных инстанций. На топ-менеджеров завели сфабрикованные уголовные дела. В прессу сливают компромат. А на рынке резко выросло число сделок с мелкими пакетами наших акций. Юристы пробили хвосты, всё уходит в фирмы-однодневки. Плюс почтовый терроризм, заказные письма с пустыми бланками, чтобы потом доказать в суде, что мы якобы игнорируем повестки. Классическая схема.

Каждое его слово ложилось на стол тяжелым неприятным грузом. Кейт перестала дышать. Для него все не просто бизнес. Это была империя, которую отец строил всю жизнь.

— И что теперь?

— Пока нет железобетонных доказательств, я связан по рукам, — Джон придвинул к себе массивную кожаную папку. — Но мы не будем просто ждать. Я уже раскидал активы по разным предприятиям и обнулil текущие долги. Правда, свободных денег на выкуп собственных акций у нас сейчас нет. Поэтому есть еще один шаг.

Он открыл папку и развернул к Кейт толстую стопку бумаг.

— Это документы на передачу тебе прав собственности на несколько моих ключевых заводов. Мы только что провели их по контрактам с компанией Макса. Теперь на них висит фиктивная, но колоссальная кредиторская задолженность.

Кейт взяла ручку. Гладкий металл скользил во влажных пальцах.

— Я не понимаю, — она подняла на него взгляд. — Разве рейдеры не собираются просто купить нас? Зачем вешать на заводы долги?

— Именно потому, что это не покупка, а захват, — жестко отрезал Джон. — Родлеру нужно парализовать нашу работу, чтобы мы вылетели из тендера. Если мы возьмем госзаказ, у нас появятся ресурсы раздавить его. А долги на заводах это ядовитая пилюля. Клин клином вышибают. Подписывай.

Она поставила первую подпись, чувствуя, как скрежет пера по бумаге отдается где-то в позвоночнике.

— Будь осторожна, Кейт, — вдруг произнес отец, и в его строгом голосе прорвалась отцовская тревога. — Я не думаю, что они опустятся до физических угроз, иначе ты бы уже ходила с охраной. Но всё же...

Джон не закончил фразу, Кейт почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

«Будь осторожна».

Если бы отец только знал, что всего час назад она стояла в кабинете у генерального директора «Литье Корпорейшн». Что она нанялась на работу к людям, которые прямо сейчас методично уничтожают ее семью. А Владимир Ковальд, человек, с которым она ввязалась в игру мщения за брата, будущий зять Родлера.

Кейт опустила глаза на бумаги, чтобы отец не увидел, как

краска отхлынула от ее лица. Если правда вскроется, сердце отца просто не выдержит. Ей нужно продержаться всего неделю. Сделать всё тихо и исчезнуть.

— Ты сказал, захват, это еще не самое страшное, — Кейт заставила себя перевернуть страницу и поставить следующую подпись. — А что тогда?

— Я слишком поздно спохватился, — лицо отца превратилось в каменную маску. — На рынке почти пятьдесят процентов акций в свободном доступе. У тебя и Макса — по пять процентов. У меня — тридцать. А десять... или даже больше уже в руках рейдера. Это критическая масса, Кейт.

В этот момент тишину кабинета разорвал резкий звонок мобильного. На экране высветился незнакомый номер. Джон мгновенно подобрался, его взгляд снова стал холодным и расчетливым.

— Да, МакХьюит, — бросил он в трубку.

Кейт поднялась и вышла из кабинета. Ей физически необходим был глоток воздуха.

Она прошла на просторную кухню, машинально включила чайник. Шум закипающей воды немного заглушил набат в висках. Руки действовали на автопилоте; достать чашки, нарезать хлеб. Простые, рутинные действия помогали заземлиться.

Ее отец готовился к войне. И она не имеет права позволить своим личным, глупым амбициям и мстительным играм с Энджи стать слабым звеном в его обороне. Ковальд,

Родлер, Лейла — все они теперь были не просто раздражающими фигурами из светской хроники. Они были врагами.

Когда Кейт вернулась в кабинет с небольшим подносом, отец всё еще говорил по телефону. Он отдавал короткие, рубленые приказы, делая пометки в блокноте. В его движениях не было ни грамма паники. Только абсолютная, ледяная концентрация.

Она поставила чашку с крепким чаем на край его стола.

— Мы справимся, пап, — одними губами произнесла Кейт.

Отец поднял на нее глаза. На секунду в них промелькнула смертельная усталость. Кивнул. И в этом коротком жесте было столько силы, что Кейт почувствовала: они действительно выстоят. Должны.

Глава 9

Владимир стоял за тонированным стеклом своего кабинета и ждал.

Восемь ноль-ноль.

Кейт появилась ровно по графику.

Его взгляд мгновенно, против воли, зацепился за её фигуру. Узкая юбка-карандаш, перехваченная на талии тонким кожаным ремешком, диктовала ей шаг — ограничивала движения, заставляя бедра покачиваться чуть сильнее обычного. Белая блузка с широким вырезом оставляла открытыми ключицы, а небрежный хвост спадал на одно плечо, обнажая беззащитную, трогательную линию шеи.

Он скользнул взглядом по этой линии, чувствуя, как внутри ворочается тяжелое, темное раздражение пополам с желанием. Он не был удивлен реакцией офиса. Энергетика вокруг нее искрила так, что Карла Изольдовна, сидевшая за соседним столом, раздувала ноздри и смотрела в монитор с таким видом, будто планировала убийство.

А потом начался балаган.

Дверь приемной открывалась каждые полчаса. Курьеры. Владимир хмуро наблюдал сквозь жалюзи, как стол новенькой секретарши превращается в оранжерею. Белые розы, альстромерии, орхидеи. Кейт принимала их с легким румян-

цем, польщенная вниманием. Когда курьер втащил седьмой по счету букет, какую-то пошлую конструкцию из конфет в золотой фольге, — лицо Карлы Изольдовны пошло красными пятнами.

Дверь кабинета Владимира была чуть приоткрыта, и он отлично слышал всё, что происходило в приемной.

Кейт сняла трубку. Набрала внутренний номер отдела аналитики и включила громкую связь.

— Мальчики, — ее голос зазвучал с легкой, искрящейся насмешкой. В ответ из динамика раздался одобрительный гул и присвистывания. — Мне, конечно, очень приятно ваше внимание, но... семь букетов подряд? Имейте совесть. Карле Изольдовне скоро некуда будет ставить папки.

Из динамика грянул гомерический хохот десятка мужских глоток. Кейт рассмеялась в ответ звонко, чуть задыхаясь, откинув голову назад.

Владимир стиснул челюсти. Пальцы с такой силой сжали дорогую перьевую ручку, что пластик жалостливо скрипнул. Его бесило, что этот бархатный, грудной смех достается его аналитикам. Его злило, что в его приемной устроили дешевое шоу. И больше всего его бесило то, что он сам не мог оторвать от нее глаз.

— Боюсь, мне скоро придется объяснять соседям, что я устроилась работать не в серьезную корпорацию, а... — сквозь смех продолжала Кейт.

— В цирк, — голос Владимира ударил по ушам, как

хлыст.

Он стоял в дверях своего кабинета. Без пиджака, в белоснежной рубашке, которая делала его фигуру еще более массивной. Никакого галстука. Никаких эмоций на лице. Взгляд — абсолютный лед.

Смех Кейт оборвался на полуноте. Хохот из динамика телефона мгновенно стих, сменившись торопливыми гудками, кто-то из аналитиков в панике сбросил вызов. Температура в приемной упала до минусовых отметок. Карла Изольдовна втянула голову в плечи, с остервенением застучав по клавиатуре, имитируя бурную деятельность.

Владимир не смотрел на старшего секретаря. Его холодный, немигающий взгляд был пригвожден к Кейт.

— Зайди ко мне, — приказал он.

Он не стал дожидаться ответа. Развернулся и ушел в глубь своего кабинета, оставив дверь открытой.

Кейт поднялась с кресла. По сути, она не сделала ничего криминального — гормональные всплески аналитиков были вне её контроля. Но под тяжелым взглядом Ковальда инстинкт самосохранения отчаянно вопил об опасности.

Она вошла в кабинет.

И едва переступила порог, как Владимир с силой захлопнул дубовую дверь. Пространство мгновенно сжалось. Он шагнул к ней, в один миг нарушая все мыслимые корпоративные дистанции, и навис сверху.

Давление его мужской энергетики ощущалось физически

— так парит воздух перед мощной грозой. Кейт инстинктивно отступила на полшага, пока лопатки не впечатались в прохладную стену.

— Объясни, что тут происходит? — его голос прозвучал низко, вибрируя глухим раздражением.

Он смотрел на нее в упор, и его разрывало пополам. Хотелось разорвать ее в клочья за этот смех с другими, и одновременно с этим впиться в ее губы прямо сейчас. Карла Изольдовна сегодня утром с возмущением доложила, что новая секретарша явилась на работу без бюстгальтера, и это «нарушает этику». Тогда он едва не рассмеялся старшей секретарше в лицо. На улице тридцать градусов.

Но сейчас, стоя так близко, Владимир видел, как часто вздымается грудь Кейт под белой блузкой. Тонкая ткань предательски обрисовывала контуры, выдавая ее напряжение. И смех вдруг испарился, сменившись темным, яростным желанием.

— Спроси у своих аналитиков, — Кейт вздернула подбородок, стараясь не выдать паники. Ей некуда было деться. — Это они присылают цветы.

— Я догадался.

Владимир сделал еще один шаг. Теперь их разделяли жалкие сантиметры. Кейт попыталась сдвинуться в сторону, но он тут же уперся широкими ладонями в стену по обе стороны от ее головы.

— Кто дал тебе право со мной так разговаривать? — выпал-

лила она, чувствуя, как от возмущения и внезапной нехватки кислорода пульс бьется где-то в висках.

— Я здесь хозяин, — отрезал он. Его взгляд потемнел, скользнув по ее шее к вырезу блузки. — И с этой минуты у тебя будет столько работы, что времени на кокетство не останется. Ни на что, кроме меня.

Кейт шумно втянула воздух. В его голосе прозвучало откровенное, собственническое обещание. Он пах собой, дорогим парфюмом и адреналином.

— Да, и твоя юбка слишком короткая, — неожиданно добавил он. В холодном синем взгляде мелькнула дразнящая искра.

Кейт вспыхнула.

— Ты, наверное, никогда не слышал о таком понятии как мини-юбка? — огрызнулась она, не собираясь сдаваться без боя.

Владимир перевел взгляд с ее губ на глаза. Зрачки Кейт расширились, почти затопив радужку. Дыхание стало прерывистым, поверхностным. Ее тело реагировало на него, как бы сильно разум ни пытался сопротивляться. Она искрила, как оголенный провод, и это сопротивление лишь подливало бензина в его внутренний пожар.

— А еще ты опоздала, — голос Владимира стал обволакивающим, тягучим, как мед. Он чуть склонил голову, так что его губы оказались в миллиметрах от ее щеки.

Кейт замерла. Сердце колотилось о ребра так сильно, что

ей казалось, он должен это слышать.

— По договору... мой рабочий день начинается в девять,
— выдавила она, стараясь удержать голос ровным. — Карла
Изоьдовна, видимо, не слышала о Трудовом кодексе. Я могу
идти?

Она хотела сбежать. Как можно быстрее покинуть эту маг-
нитную зону, пока ее колени окончательно не превратились
в желе.

Владимир усмехнулся. В его кривой, циничной улыбке
читалось абсолютное знание своей власти над ней. Он убрал
руки от стены, отступая на шаг и возвращая ей возможность
дышать.

— Иди, — он окинул ее темным, сканирующим взглядом.
— Я вызову тебя после обеда.

В его «вызову» не было ничего от рабочего расписания.
Это прозвучало как обещание. Как «заберу».

Едва Кейт выскользнула в приемную, и он недовольно вы-
дохнул, уперев руки в бока. Он закрыл глаза, пытаясь усми-
рить гудящую в венах кровь. У нее наверняка сладковатая
кожа. Чертова девчонка. Он собирался устроить разнос отде-
лу аналитики, но вместо этого заперся в кабинете, чувствуя,
как его собственная выдержка трещит по швам.

«Дай бог моим аналитикам дожить до пятницы», — мрач-
но думал он, отходя к столу.

Если она еще раз так посмотрит на него, он точно не сдер-
жится.

Глава 10

Остаток дня превратился для Кейт в административную пытку. Архив, пыльные папки пятилетней давности, бесконечное копирование документов, которые нельзя выносить за пределы комнаты. К концу рабочего дня у нее ломило спину, а от запаха старой бумаги и тонера рябило в глазах.

Когда она, наконец, сбросила тяжелую стопку на стол в приемной, Карла Изольдовна лишь презрительно скривила губы и подвинула к ней новый лист.

— Письма, которые вы должны были отправить четыре часа назад. И список поручений на завтра.

Кейт опустила в кресло, чувствуя, как гудят ноги. Она пробежалась глазами по строчкам, и ее усталость мгновенно сменилась закипающим возмущением. Забрать вещи из химчистки. Закупить продукты. Продлить его абонемент в спортклуб. Выяснить статус ремонта машины. И вишенка на торте — забрать браслеты из ювелирного.

— А истребитель ему не починить? — тоном полным возмущения осведомилась Кейт.

Она жестко поднялась, комкая список в руке, и направилась к массивной двери. Толкнув ее, Кейт шагнула внутрь и плотно закрыла за собой створку.

Владимир сидел за столом, вчитываясь в текст на монито-

ре. Услышав щелчок замка, он поднял глаза.

— Это, — Кейт бросила скомканный лист на край его стола, — не входит в мои должностные обязанности. Я нанималась секретарем, а не личным курьером и домработницей.

Она стояла перед ним, вздернув подбородок, готовая к скандалу. Но Владимир даже не посмотрел на бумагу.

— Ты мешаешь работать отделу аналитики, — спокойно произнес он. — Твое присутствие в офисе парализует процессы. Поэтому завтра ты будешь заниматься делами вне здания.

Он неспеша отложил ручку — она тонко звякнула о столешницу. Владимир поднялся из кресла.

В ту же секунду Кейт поняла, какую тактическую ошибку совершила: она сама вошла в его кабинет, сама закрыла дверь и теперь они были здесь абсолютно одни.

Владимир обогнул стол. Он надвигался плавно, без суеты, но с такой хищной, неотвратимой грацией, что у Кейт мгновенно пересохло во рту. Инстинкт заставил её сделать шаг назад, потом ещё один. Он не ускорял шаг, но дистанция между ними таяла с пугающей быстротой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.